

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 159-168
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.159

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Representations of the Turkestan Region as the outskirts of the Russian Empire in the Discourse of Regional Periodicals in the late XIX – early XX centuries

Sadokat M. Matkarimova ^{a, *}, Sanzhar S. Davletov ^a, Kudrat Y. Masharipov ^a, Temur P. Abdullaev ^a

^aMamun University, Khiva, Republic of Uzbekistan

Abstract

The article reveals the content of representations of Turkestan as the outskirts of the Russian Empire in the discourse of regional periodicals in the late 19th - early 20th centuries. It is noted that the choice of the late nineteenth - twentieth centuries as the chronological boundaries of the study is explained by important shifts in the socio-political reception of the acquired territories in Central Asia and changes in the socio-political context of the implementation of Russian colonial policy in the Turkestan region in connection with the social upheavals that occurred in Russia at the turn of the century. In the course of the study, the “sites” of representation of Russian society’s ideas about the status of Turkestan as a territory incorporated into the general imperial field were identified, and the program of the official publications of the region – “Turkestan Vedomosti”, “Turkestan Diocesan Vedomosti” as a newspaper and journal, which actively defended and broadcast imperial principles of organization of socio-political and cultural space of the Turkestan region, was presented. It is established that despite the “departmental” difference and relative dissimilarity of the tasks solved in secular and church publications, in the discussion of the development of the Turkestan region as a “Russian cause”, the main newspaper (Turkestan Vedomosti) and the journal (Turkestan Diocesan Vedomosti), demonstrated the commonality of positions, which was expressed in the universality of the subject lines of publications. The publications were equally close to the topical issues of the resettlement movement, political engagement of the population under the influence of revolutionary and foreign policy processes of the early twentieth century, organization and promotion of education, construction of railroad lines. At the same time, the determining factor was the communicative consent of the regional press in the ideas about the special status in the Turkestan region of the imperial bureaucracy, positioned in numerous publications as a decisive argument for the transformation of the region into the Russian Empire.

Keywords: representations, periodical press, discourse, Turkestan Krai, Russian Empire, colony, periphery, Asian Russia.

1. Введение

Присоединение Туркестана к Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. стало важной вехой колониальной политики России в Центральной Азии, являвшейся предметом геополитических амбиций и экономических притязаний крупнейших европейских держав (Ходарковский, 2019). По замечанию С. Беккера, существовал целый комплекс причин, подталкивавших Россию, имевшую долгосрочные исторические связи с центрально-азиатскими оазисами, в направлении этого региона: «создание безопасной границы, страх оказаться вытесненными с этой территории Англией и соблазн обрести новые дипломатические рычаги, экономическую выгоду и военную славу» (Беккер, 2024: 35).

* Corresponding author

E-mail addresses: sadokatmatkarimova@yandex.ru (S.M. Matkarimova),
sdavletov7722@gmail.com (S.S. Davletov), qudrat_74@mail.ru (K.Y. Masharipov),
timurabdullaev4466@gmail.com (T.P. Abdullaev)

Следует отметить, что представления российских имперских элит о предназначении Туркестанского края, активно инкорпорируемого в сферу российской государственности с 1850-х гг., органично вписывались в транснациональный имперский дискурс, основанием которого выступали идеи цивилизационного превосходства колонизаторов и морального оправдания экспансионистских акций в отношении неевропейских народов. В. Тольц констатирует, что идея русской цивилизационной миссии на Востоке в середине XIX в. становится важным элементом идеологии русского национализма, в рамках которой конструируется представление о территориях Центральной Азии как «собственном Востоке» России (Тольц, 2013: 52). При этом Туркестанский край маркировался в качестве органичного продолжения имперского пространства, которое нуждается в административном обустройстве, а населяющие регион народы рассматриваются как объект культуртрегерских действий.

По мере продвижения России в Центральной Азии, с установлением российских административных порядков, распространением русской земледельческой оседлости, в дискурс Туркестана как окраины, входившей в ареал имперской экспансии, включались различные акторы, репрезентировавшие идею о правомочности политики «русского дела» в регионе. Одним из таких акторов являлась официальная периодическая печать Туркестанского края, ставшая активным проводником имперских представлений о перспективах российского присутствия в регионе с 1870-х гг.

В этой связи, цель данной статьи заключается в раскрытии содержания репрезентаций Туркестана как окраины Российской империи в конце XIX — начале XX вв. Авторский выбор рубежа XIX–XX вв. как хронологической рамки исследования объясняется определёнными сдвигами в общественно-политической рецепции приобретённых территорий в Центральной Азии и изменениями социально-политического контекста реализации российской колониальной политики в Туркестанском крае. Массовые переселения, вызванные аграрно-экологическим кризисом в Европейской России, социальные потрясения в годы Первой русской революции, неудачи Русско-японской войны, перемены в религиозной политике Российской империи существенно скорректировали русификаторский вектор колониальных практик на восточных окраинах, актуализировав при этом проблемы имперской безопасности, что оказалось зафиксировано в общественно-политическом дискурсе, в системе координат которого периодическая печать выполняла важные функции.

2. Материалы и методы

Достижение цели и решение задач статьи, направленных на определение «площадок» репрезентации общественного мнения и представлений социума об освоении Туркестанского края, обусловило привлечение к исследованию материалов официальной периодической печати, выполнявшей функцию не только транслятора информации о подходах и практиках имперских структур к административной организации региона под властью империи и колониальных практиках его хозяйственного освоения, но и принципах социокультурной инкорпорации территорий и населения азиатской периферии в общероссийское пространство. В многочисленных публикациях светской и церковной (епархиальной) периодической печати конца XIX — начала XX вв. («Туркестанские ведомости», «Туркестанские епархиальные ведомости») освещался и сопровождался оценочными характеристиками широкий круг проблем, связанных с распространением русского влияния в присоединяемом крае средствами аграрных переселений, административного управления, культурного влияния, что способствовало репрезентативности авторских выводов. Периодическая печать фиксировала представления имперской власти и консервативного сегмента общественного мнения об окраинах империи, в том числе Туркестане, как территориях имперского присутствия и доминирования, позиционируя власть как источник знания, а местный социум в качестве подчинённой группы — субалтернов империи.

В теоретико-методологическом отношении реализация задач исследования малопродуктивна без обращения к наработкам и практикам новой культурно-интеллектуальной истории. Языковая революция в социуме и историографии, зафиксировавшая идею о том, что язык является не только посредником между историком и прошлым, но и особой системой знаков, порождающих новую историческую реальность (Миньяр-Белоручева, 2015: 10; Фуко, 2011; Филлипс, Йоргенсен, 2008), предполагает внимательное вслушивание в дискурс историко-культурной ситуации и дискурс-анализ риторики текстов, фиксировавших представления о колониальной ситуации на восточных окраинах империи в конце XIX — начале XX вв. Корпус региональных журналистов Туркестанского края, озвучивая в статьях, заметках, сообщениях представления власти о регионе как естественной части Российской империи, являлся консолидированным локальным сообществом, объединённым общей профессиональной и социокультурной идентичностью, что придавало суждениям корреспондентов значительности и принималось в обществе не только как информация к размышлению, но и как программные положения в деятельности государства в Туркестанском крае.

3. Обсуждение

Исследовательские сюжеты, отражающие функционирование дискурса имперского освоения Туркестанского края и репрезентации представлений образованного сегмента российского общества в региональной периодической печати, можно рассматривать как составляющий сегмент современных историографических практик рефлексии конструирования образа Азиатской России в общественном мнении второй половины XIX — начала XX вв. В ситуации продолжающейся историографической революции и переопределения предметной области исторических исследований наблюдается смещение интереса историков от восстановления событийной канвы к рецепции состояний. Периодическая печать, долгое время позиционируемая как источник, фиксирующий реакцию сообщества журналистов на текущие политические и социокультурные явления, осмысливается историками конца XX — начала XXI в. в качестве «площадки» репрезентации представлений различных политических сил, «второй реальности», образующих в текстах дискурсивное поле, в системе координат которого регионы Российской империи предстают как воображаемые конструкторы (Родигина, 2006; Родигина, 2010; Ремнёв, 2013; Ремнёв, 2015; Чуркин, 2014; Чуркин, 2024).

Обращение к материалам региональной периодической печати Туркестана, репрезентирующей представления о регионе как колонии/окраине Российской империи, является довольно распространённым исследовательским приёмом в современной историографии (Кирильчик, 2022; Пшеничная, Лизунова, 2023) и открывает видимые перспективы деконструкции различных сегментов имперского дискурса освоения восточных окраин страны.

4. Результаты

Военное приобретение Туркестана в 1865 г. с последующей административно-управленческой инкорпорацией в состав Российской империи сопровождалось программными действиями в разработке и реализации политики населения, мерами, направленными на стирание культурных различий в менявшемся в результате колонизационных процессов социуме. Такой порядок действий во второй половине XIX — начале XX вв. во многом являлся продуктом представлений российских политических элит об азиатской периферии империи как «собственном Востоке России», который необходимо не только интегрировать в единое социокультурное пространство, но и сформировать в обществе устойчивое понимание о колонизируемых территориях как «русской земле» (Ремнёв, 2004: 223). Заметим, что политика «русского дела» в Туркестанском крае строилась в особом идейно-интеллектуальном и политическом формате, сложившемся под влиянием ориенталистских и европоцентристских концепций и была обусловлена распространением сепаратистских настроений на окраинах империи, отлившихся в восстание польской шляхты в 1863 г. и дело «об отделении Сибири от России» 1864–1865 гг.

В этой связи, концепт безопасности империи и инструментальная актуальность русификации азиатских окраин России становятся главным ориентиром в формировании общественного мнения, а корпус отечественной журналистики получает своеобразный государственный заказ выступить «площадкой» репрезентации представлений об имперском присутствии и доминировании в границах колонизируемых территорий, что выходило за традиционные просветительские и информационные рамки функций периодической печати.

Трансляции лозунга «Туркестан — не колония, а окраина Российской империи», «собственный Восток России» способствовал атмосферный фон, в котором реализовывалось русское культуртрегерство второй половины XIX — начала XX вв. Решение интеграционных задач, формулируемых имперской властью, предполагало привлечение в край специалистов в различных областях социально-экономической и культурной жизни — чиновников, инженеров, врачей, агрономов, землеустроителей, учителей, ветеринаров, что приводило к оформлению коммуникативного пространства деятельности региональной интеллигенции, включению сообществ в общественно-политический дискурс, осуществляемый в периодической печати, как в качестве читателей, так и в качестве авторов публикаций по злободневным вопросам освоения Туркестанского края.

На рубеже XIX–XX в., в изменившихся общественных обстоятельствах, значение периодической печати, особенно на восточных окраинах империи, существенно возросло. Аграрно-экологический кризис в европейской части страны и массовые переселения на окраины, установление конституционно-монархического режима и принятие именного указа Императора Всероссийского Николая II о введении в Российской империи начал веротерпимости (1905 г.) рельефно ослабили авторитет России как империи. В данном аспекте местная русскоязычная периодическая печать Туркестанского края была призвана выполнять важную социокультурную миссию пропаганды имперских представлений о регионе и моделях его освоения в системе координат «русского дела», оперативно реагируя и в максимально выгодном для власти свете освещая широкую гамму сюжетов в системе координат имперского присутствия: административно-управленческие решения, организацию водворения и обустройства русских крестьян-переселенцев, образовательные практики, деятельность Русской православной церкви и миссионерства, коммуникацию с мусульманством и невоцерковлёнными группами населения края.

Среди периодических изданий, выходящих в свет в исследуемый период («Туркестанские ведомости», «Туркестанская туземная газета», «Окраина», «Туркестанские епархиальные ведомости», «Ташкентский листок объявлений и телеграмм»), солирующие функции выполняли «Туркестанские ведомости» (газета) — старейшее издание, организованное в 1870 г. по приказу первого генерал-губернатора края А. П. фон Кауфмана, и «Туркестанские епархиальные ведомости» (журнал) — официальное издание Туркестанской и Ташкентской епархии, выходявшее в период 1906–1918 г. в г. Верном. Обращение к названным изданиям объясняется их официальным происхождением, массовостью читательской аудитории и направленностью публикаций к освещению светской и церковной тематики в контексте распространения и индоктринации представлений о Туркестанском крае как неотъемлемой части и продолжении Российской империи.

Сеймур Беккер — крупнейший специалист в имперской истории, в том числе российского освоения Центральной Азии, писал, что по отношению к своим «колонизуемым» соседям Россия позиционировала себя так же, как Запад по отношению к своим заморским соседям, т. е. как государство, чьё технологическое и организационное превосходство не оставляло этим соседям шанса перед лицом его экспансионистского драйва (Беккер, 2024: 8; Новая имперская история, 2004: 43). Согласно этой логике, региональная периодическая печать, как «площадка» коммуникации «человека власти и культуры» и «колониальных субалтернов» (Эткинд и др., 2012), транслировала дискурс морального оправдания экспансионистских намерений и конкретных практик освоения собственных территорий, используя все средства и возможности, которыми она располагала: структурную композицию изданий, предполагающую выделение официального и неофициального информационных контентов, профессиональную принадлежность и политическую ангажированность корреспондентов газеты или журнала и т. д.

Наиболее акцентированно имперская составляющая публикаций в газетно-журнальном дискурсе освоения Туркестанского края была выражена в программных статьях и заметках главных редакторов изданий в первых и последних номерах годового цикла, в которых авторы, формулируя идейное направление издания или подводя итоги работы журналистского сообщества за прошедший период, фиксировали внимание читателя на имперско-государственной составляющей политики в регионе, особом статусе генерал-губернаторской власти, монархическом начале в управлении краем, религиозной политике как инструменте освоения окраинных территорий.

Имперская формула представлений о Туркестанском крае как «собственном Востоке» и органичном продолжении Российской империи на азиатской периферии репрезентировалась в региональной периодике по двум направлениям. В официальной части изданий публиковались приказы по иррегулярным войскам, военно-народному управлению, учебному и епархиальному ведомствам, циркулярные указы и правительственные распоряжения, сведения о ротации чиновников гражданского и церковного ведомств, призванные очертить рамки имперского присутствия в регионе, его статус в составе России, механизмы управления во всех сферах: экономике, политике, образовании, культуре, этноконфессиональных отношениях. Неофициальная часть вмещала статьи и корреспонденции журналистов изданий, иллюстрирующие состояние экономики и общественных отношений в регионе, исторический опыт России в колонизации окраин, естественно-географический и научный потенциал Туркестанского края в системе социокультурных и народнохозяйственных процессов.

Знаковым элементом неофициального раздела периодических изданий являлась колонка редактора, в которой в свободной форме определялся программный вектор журнала или газеты, при этом основной интенцией редакторского дискурса выступала уверенность в правоте и особой цивилизаторской миссии русского народа в покоренном регионе. Так, в новогодней заметке по поводу наступившего 1895 г. главный редактор «Туркестанских ведомостей», рассуждая о тайнах мироздания и движении планет, вышел на тему Божьей любви к ближнему, с которой «пришёл русский человек в обширный край и... застав здесь царство мрачного невежества, грубого деспотизма... стал насаждать твёрдый порядок и законность..., победил туземца, и теперь слава белого царя гремит по всей Азии» (От редакции, 1895: 1). Ответственный редактор «Туркестанских епархиальных ведомостей» священник М. Андреев, сокрушаясь по поводу социальных потрясений в России начала XX в., во вступительном слове к неофициальному разделу журнала сосредоточил внимание на особой роли Русской православной церкви как просветителя мусульманской и языческой массы и русского народа, решающего великие культуртрегерские задачи среди коренного населения Туркестанского края, подчеркнув, что «...русский гражданин должен не реформировать существующие условия политической жизни, а оказывать культурное воздействие на здешний инородческий элемент» (Андреев, 1906: 10).

Редакторские реплики о моральном превосходстве колонизаторов и оправдании русского цивилизаторства выполняли функцию идеологической рамки, внутри которой формировался корпус публикаций, репрезентировавших тезис о необходимости поддержания культурной дистанции между элитами и населением периферийных территорий, что рассматривалось в качестве обязательного условия сохранения империи и поддержания имперской безопасности. В публикациях периодических изданий, по сути, воспроизводилось универсальное содержание российского

имперского дискурса, в котором декларируемые задачи культурного «выравнивания» и создания «большой русской нации» парадоксальным образом уживались с идеей дифференциации «человека власти и культуры» и «колониального субалтерна». В региональной светской и, особенно, церковной (епархиальной) периодике пространство дихотомий «мы — они», «свои — чужие» осваивалось в таком противоречивом формате. Один из корреспондентов епархиального издания в заметке о христианском посте, «размазанной» по двум номерам журнала, высказал ряд соображений о преимуществах православного обряда воздержания над мусульманским, но в заключение с горечью констатировал: «...постятся католики, постятся протестанты и иудеи, постятся мусульмане..., только мы, православные, пренебрежительно относимся к заповеди о посте, и за то наказуемся...» (Колобов, 1908: 756). Симптоматично, что сюжет культурного дистанцирования в репрезентациях Туркестана как имперской окраины предполагал постоянное доконструирование образа «врага», препятствовавшего культурному слиянию народов Туркестанского края под эгидой империи. С эскалацией переселенческого движения в начале XX в., признанием ограниченности культуртрегерских возможностей русского крестьянина, коррекцией принципов религиозной политики в Российской империи в миграционный поток стали активно включаться религиозные диссиденты — сектанты, чьи хозяйственные успехи на окраинах, в том числе и в Туркестанском крае, стали общепризнанными. Именно в этот период в региональной периодической печати начинает дискутироваться тема организации православного миссионерства в Туркестане, а основным объектом их деятельности позиционируются сектанты и их антихристианская деятельность: «растут сектантские поселения и будут расти до тех пор, пока и мы, православные туркестанцы, не создадим особого миссионерского отряда, могущего отбить нападки хищного противника» (Колобов, 1908: 761). Таким образом, происходило смещение акцентов как в определении «чужого» (к традиционному врагу добавился новоявленный баптист, молоканин, хлыст и т. д.), так и в фиксации «своего» — «православного туркестанца», благодаря усилиям которого «наши туркестанские пустыни огласятся победными кликами за всё свято-русское» (Колобов, 1908: 766).

В порядке комментария, заметим, что модель репрезентации Туркестана как собственной имперской окраины в дискурсе периодической печати наглядно подтверждает предположения учёных-империологов о своеобразии России как империи и проявлении этой специфики в условиях реализации колониальных практик в Центральной Азии. Проблема заключается в том, что в условиях Туркестанского края Российская империя столкнулась с более выраженными проявлениями культурного несходства, которое заключалось не только в различиях хозяйственно-культурных типов аграрных мигрантов из Европейской России и многослойного оседло-кочевоего населения региона, широкое распространении и влиятельности ислама на языческие сообщества Туркестана, но и в постоянном углублении этих различий. Корреспондент «Туркестанских ведомостей», обращаясь к читателям, в связи с наступившим новым 1894 г., писал: «...сделано очень много, но от конечной цели — окончательного слияния края с остальными частями нашего Отечества — мы почти так же далеки, как и 25 лет назад...» (От редакции, 1894: 2). Причины своего скепсиса журналист обнаруживал в обособленном существовании коренного населения, не поддававшемуся просвещению и малочисленности русских, представленных в крае чиновничеством, которое «по своему развитию стоит несоизмеримо выше туземцев и не может находиться с ними в тесных отношениях, необходимых для культурного сближения» (От редакции, 1894: 2). Предположение автора о том, что распространение в Туркестане русских поселений может кардинально изменить ситуацию, частично опровергалось им же в констатации дефицита пригодных участков для прочного внедрения пашенного земледелия (От редакции, 1894: 2). Народнохозяйственное освоение территорий Туркестанского края и распространение там аграрно-земледельческих практик настоятельно требовало привлечения особого человеческого материала, способного реализовать имперские экономические ожидания в условиях отдалённой окраины, что, с одной стороны, в условиях политики веротерпимости открывало возможности для мобилизации дееспособных культуртрегеров из неправославных или сектантских сообществ, с другой стороны, такие действия ещё больше усугубляли культурную дифференциацию и, как следствие, конфликтность социума, купирование которой могло быть осуществлено только при условии наличия сильной административной (Беккер, 2004: 67-80).

Делегирование обширных административных полномочий генерал-губернаторскому корпусу в Туркестанском крае и фактически неограниченных прав в дипломатической и военной сфере, определивших персоналистский характер управления в регионе (Переселенческое дело..., 1911: 157-158). Генерал-губернаторы и их бюрократический аппарат, выступавшие представителями империи на отдалённой окраине, нуждались в репрезентации собственной власти различными способами, среди которых периодическая печать была одним из действенных инструментов.

Светская и церковная периодика Туркестана, учитывая специфику своей издательской политики, принимала активное участие в формировании в общественном сознании позитивного образа региональной администрации, транслировавшей волю самодержавной власти в Центральной Азии. Так, «Туркестанские ведомости», наполняя официальный раздел циркулярами и приказами генерал-губернатора и его аппарата, аккуратно подчёркивали легитимность этих распоряжений

ссылками на законодательство или личное распоряжение государя-императора. Независимо от ведомства, в отношении которого публиковалось указание местных властей (образование, военное управление и т. д.), оно всегда сопровождалось отсылкой к высочайшему решению, принятому императором (Туркестанские ведомости. Официальный отдел. 1871–1895 гг.). «Туркестанские епархиальные ведомости», используя официальный блок журнала для реализации аналогичных задач, демонстрировали несколько иной подход, акцентируя внимание читателя на своем следовании решениям Святейшего правительствующего синода как соборном правительстве Русской православной церкви, учреждённого самодержавной властью. Большинство вводных распоряжений по Туркестанской епархии, опубликованных в издании, содержали ссылки на августейшую волю монарха по тем или иным поводам, после чего печатались прецедентные распоряжения по ротациям в причтах, рукоположениях в сан, награждениях и открытии новых приходов (Туркестанские епархиальные ведомости, 1906–1910 гг.).

Более тонкие приёмы репрезентации сильной административной власти как необходимого условия продуктивного освоения Туркестанского края корпус корреспондентов использовал при подготовке и публикации статей, заметок и сообщений неофициального характера. Миграции крестьянства из европейской части страны и образование переселенческих посёлков в Туркестане стимулировали включение в тематическую палитру публикаций переселенческого вопроса, который рассматривался как значимый элемент «русского дела», маркируя региональную администрацию в позиции главного устроителя края. Оценивая ход и результаты водворения переселенцев как представителей цивилизаторов Азии, корреспонденты особо подчёркивали участие в организации переселений губернской администрации. Признавая трудности, с которыми сталкивалась империя в Туркестане, автор одной из заметок писал, что «главный начальник края уже принял меры к устранению причин неудач...» (От редакции, 1895: 37-38). Особый статус имперской власти и её политическое кредо в Туркестанском крае светское издание формулировало весьма прозрачно: «Русская власть наряду с водворением в новом крае внутреннего спокойствия и обеспечения личной и имущественной безопасности туземца озаботилась создать обаяние своей силы, которая с первых же дней нашего владычества стала твёрдой и прочной, и вместе с тем снисходительной и доступной... Средства власти были сосредоточены в одних руках: войска, гражданская администрация и суд подчинялись губернаторам и генерал-губернаторам, которые вели их к одной цели — к устроению Туркестана и подготовлению его к прочному слиянию с коренной Русью...» (От редакции, 1896: 33).

В региональном издании РПЦ «Туркестанские епархиальные ведомости» мотив имперского присутствия как императива успешного освоения региона осваивался в нескольких форматах.

Во-первых, епархиальным журналистам важно было представить православную церковь как активно действующего актора обустройства региона, сумевшего объединить под своим влиянием все административные и общественные силы. В публикациях, посвящённых поездкам по Туркестану видных церковных иерархов (епископ Туркестанский и Ташкентский Дмитрий в 1907 г.), настоятельно проводилась мысль о соборном состоянии, как особой форме единения церкви, государства и общества, которое позволило утвердить православную веру на далёкой окраине, «несмотря на козни врагии...» (Шабашев, 1907: 631). Вместе с тем в журналистской репрезентации идея соборности выступает в несколько скорректированном варианте: иерархия участников встречи владыки построена таким образом, что главными действующими лицами оказываются «...войска, главное областное начальство: вице-губернатор, наказной атаман, председатель окружного суда, начальники отдельных частей и учреждений...», т. е. представители имперской власти в Туркестанском крае (Шабашев, 1907: 634).

Во-вторых, авторитет и значение административной власти прямо или опосредованно тиражировался в публикациях, посвящённых широкому кругу политических, культурных, социально-экономических событий. Так, факт назначения на должность генерал-губернатора Туркестанского края Н. И. Гродекова сопровождался комментарием о предоставлении новому администратору полной самостоятельности и свободы действий, что обусловлено необходимостью поднятия престижа власти высшего начальства (От редакции, 1907: 9). Верноподданническая риторика рельефно оказалась отражена в заметке о «радостном для духовенства» событии, связанном с назначением в 1910 г. на должность помощника Туркестанского генерал-губернатора В. И. Покотило, получившего «...возможность более широкого применения своих административных способностей, любви к порядку и искоренению тёмных сил, порождаемых народной темнотой и невежеством, ...безумием доморощенных и так называемых «интеллигентных» самозванных преобразователей государственного строя России» (В.А., 1910: 33).

В статьях о постановке переселенческого дела подчёркивалась особая организующая роль местных губернаторов, чиновников переселенческого ведомства, инженерно-технических работников, чьё значение в крае будет возрастать, учитывая активность крестьянских миграций из Европейской России (Колобов, 1908: 771-774). Переселенческий вопрос как продукт административных усилий рассматривался в публикациях как часть решения общеколониционных задач Российской империи. В статье члена Государственной Думы, священника А. Трегубова, особо подчёркивается значение центральной власти в завоевании и благоустройстве Туркестана:

«Под скипетром Державы Русской, край пользуется миром и особой попечительностью со стороны русского правительства. Проведены дорого стоящие казне Закаспийская и Ташкентско-Оренбургская железные дороги» (Трегубов, 1911: 162). В этой связи, автор обращается с прямой апелляцией к имперской власти о необходимости заселения края русскими людьми и важности противодействия мусульманству, окрепшему в регионе после Русско-японской войны 1904–1905 гг.» (Трегубов, 1911: 163-164).

5. Заключение

Таким образом, региональная периодическая печать Туркестанского края на рубеже XIX–XX вв., выполняя традиционную для прессы информационную функцию, одновременно была включена в дискурс имперской колонизации «собственного востока России», являясь площадкой репрезентации представлений государства и Русской православной церкви о путях, формах и средствах инкорпорации азиатской периферии в общеимперское пространство.

Определение рамок имперского присутствия и доминирования в регионе в официальных разделах изданий, в публикуемых постановлениях центральной и региональной администраций органично развивалось прессой в неофициальных блоках газет и журналов, где прямо или косвенно декларировался тезис о Туркестанском крае как территории освоения, а не колонизации. Знаковым инструментом трансляции имперской рецепции Туркестана как окраины страны выступали редакторские «подвалы», приуроченные к началу календарного года и задававшие общий вектор публицистической риторики, в которой мотивы цивилизационного превосходства и морального оправдания российского экспансионизма, были смыслообразующими.

Несмотря на «ведомственное» различие и относительное несходство решаемых в светских и церковных изданиях задач, в обсуждении освоения Туркестанского края как «русского дела», главные газета («Туркестанские ведомости») и журнал («Туркестанские епархиальные ведомости») демонстрировали общность позиций, что находило выражение и в сюжетной универсальности. Для изданий в равной степени были близки злободневные вопросы переселенческого движения, политической ангажированности населения под влиянием революционных и внешнеполитических процессов начала XX в., организации и продвижения образования, возведения железнодорожных путей. При этом, безусловно, определяющим характер публикаций являлось коммуникативное согласие региональной прессы в представлениях об особом статусе в Туркестанском крае имперской бюрократии, позиционируемой в многочисленных публикациях как решающий фактор превращения региона в Российскую империю.

Литература

- Андреев, 1906 – Андреев М. От редактора // *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 1. 1906. С. 9-11.
- Беккер, 2004 – Беккер С. Россия и концепт империи / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С. 76-77.
- Беккер, 2024 – Беккер С. Россия в Центральной Азии (1865–1924). М.: Центрполиграф, 2024. 351 с.
- В.А. – В.А. Новое назначение // *Туркестанские епархиальные ведомости*. 1910. № 3. С. 31-33.
- Кирильчик, 2021 – Кирильчик Д.В. Частный капитал в Туркестане: дискуссия на страницах периодических изданий. 1880–1910-е гг. // *Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История*. 2022. № 4. С. 51-64.
- Колобов, 1908 – Колобов М. К миссионерскому противомогадетанскому съезду в городе Казани // *Туркестанские епархиальные ведомости*. № 24. 1908. С. 756-759.
- Колобов, 1908 – Колобов М. Нужны ли особые миссионеры? // *Туркестанские епархиальные ведомости*. 1908. № 24. С. 759-766.
- Миньяр-Белоручева, 2015 – Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // *Язык и текст langpsy.ru*. 2015. Т. 2. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Belouchева.shtml> (дата обращения: 18.10.2024).
- Новая имперская..., 2004 – Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. 652 с.
- От редакции – От редакции // *Туркестанские епархиальные ведомости*. 1907. № 1. С. 8-10.
- От редакции, 1894 – От редакции // *Туркестанские ведомости*. 1894. № 1. С. 2-4.
- От редакции, 1895 – От редакции // *Туркестанские ведомости*. 1895. № 1. С. 1-3.
- От редакции, 1895а – От редакции // *Туркестанские ведомости*. 1895. № 9. С. 36-40.
- От редакции, 1896 – От редакции // *Туркестанские ведомости*. 1896. № 4. С. 33.
- Переселенческое дело..., 1911 – Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская): Отчёт по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г.

чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершуни, 1911. 336 с.

Пшеничная, Лизунова, 2023 – Пшеничная Е.В., Лизунова И.В. Становление издательского дела в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв. // *Научные и технические библиотеки*. 2023. № 11. С. 15-35.

Ремнёв, 2004 – Ремнев А.В. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века / Новая имперская история постсоветского пространства. Казань: Идел-Пресс, 2004. С. 223-242.

Ремнев, 2013 – Ремнёв А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Сибирская заимка. 2013. Т. 2013. С. 1-5.

Ремнёв, 2015 – Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2015. 580 с.

Родигина, 2006 – Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2006. 343 с.

Родигина, 2010 – Родигина Н.Н. Кто конструировал образ Сибири?: авторский корпус публикаций о регионе в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. / *Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск, 17–19 ноября 2010 г.* Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2010. С. 173-178.

Тольц, 2013 – Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

Трегубов, 1911 – Трегубов А. Колонизация Туркестана // *Туркестанские епархиальные ведомости*. 1911. № 7. С. 161-164.

Филлипс, Йоргенсен, 2008 – Филлипс Н., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

Фуко, 2011 – Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.

Ходарковский, 2019 – Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

Чуркин, 2014 – Чуркин М.К. Сибирь в "воображаемой географии": к вопросу о современном научно-исследовательском дискурсе // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2014. № 2 (2). С. 81-85.

Чуркин, 2024 – Чуркин М.К. Азиатская периферия как «собственный Восток России» в дискурсе епархиальной периодической печати Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2024. Т. 15, № 2. С. 36-53.

Шабашев, 1907 – Шабашев А. Воспоминания о преосвященнейшем Дмитрие, епископе Туркестанском и Ташкентском // *Туркестанские епархиальные ведомости*. 1907. № 24. С. 631-656.

Эткинд, 2016 – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

Эткинд и др., 2012 – Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением / Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 6-53.

References

Andreev, 1906 – Andreev, M. (1906). Ot redaktora [From the editor]. *Turkestanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1: 9-11. [in Russian]

Bekker, 2004 – Bekker, S. (2004). Rossiya i kontsept imperii [Russia and the concept of empire]. *Novaya imperskaja istoriya postsovetского prostranstva: Sb. statei*. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan': «Tsentr Issledovaniya Natsionalizma i Imperii». Pp. 76-77. [in Russian]

Bekker, 2024 – Bekker, S. (2024). Rossiya v Tsentral'noi Azii (1865–1924) [Russia in Central Asia (1865-1924)]. M.: Tsentrpoligraf, 351 p. [in Russian]

Churkin, 2014 – Churkin, M.K. (2014). Sibir' v "voobrazhaemoi geografii": k voprosu o sovremennom nauchno-issledovatel'skom diskurse [Siberia in "imaginary geography": to the question of modern research discourse]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 2(2): 81-85. [in Russian]

Churkin, 2024 – Churkin, M.K. (2024). Aziatskaja periferiya kak «sobstvennyi Vostok Rossii» v diskurse eparkhial'noi periodicheskoi pechati Zapadnoi Sibiri i Stepnogo kraja (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Asian periphery as "Russia's own east" in the discourse of diocesan periodicals of Western Siberia and the Steppe region (second half of XIX – early XX centuries)]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 15(2): 36-53. [in Russian]

- Etkind i dr., 2012** – *Etkind, A., Uffel'man, D., Kukulin, I.* (2012). Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii: mezhdru praktikoï i voobrazheniem [Russia's internal colonization: between practice and imagination]. Tam vnutri. Praktiki vnutrennei kolonizatsii v kul'turnoi istorii Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 6-53. [in Russian]
- Etkind, 2016** – *Etkind, A.* (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]
- Fillips, Iorgensen, 2008** – *Fillips, N., Iorgensen, M.* (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr». 352 p. [in Russian]
- Fuko, 2011** – *Fuko, M.* (2011). Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [Security, territory, population. Course of lectures delivered at the Collège de France in 1977–1988 academic year]. SPb.: Nauka, 544 p. [in Russian]
- Khodarkovskii, 2019** – *Khodarkovskii, M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500-1800 [Steppe frontiers of Russia. How the colonial empire was created. 1500-1800]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 352 p. [in Russian]
- Kiril'chik, 2021** – *Kiril'chik, D.V.* (2021). Chastnyi kapital v Turkestane: diskussiya na stranitsakh periodicheskikh izdaniï. 1880–1910-e gg. [Private capital in Turkestan: discussion on the pages of periodicals. 1880–1910-ies]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 8. Istoriya.* 4: 51-64. [in Russian]
- Kolobov, 1908** – *Kolobov, M.* (1908). K missionerskomu protivomagometanskomu s"ezdu v gorode Kazani [To the missionary anti-Mahometan congress in the city of Kazan]. *Turkestanskïe eparkhial'nye vedomosti.* 24: 756-759. [in Russian]
- Kolobov, 1908** – *Kolobov, M.* (1908). Nuzhny li osobyë missionery? [Is it necessary to have special missionaries?]. *Turkestanskïe eparkhial'nye vedomosti.* 24: 759-766. [in Russian]
- Min'yar-Beloruçeva, 2015** – *Min'yar-Beloruçeva, A.P.* (2015). Tipologiya istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse] *Yazyk i tekst langpsy.ru.* 2(2). [Electronic resource]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloruçeva.shtml> (date of access: 18.10.2024). [in Russian]
- Novaya imperskaya..., 2004** – Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. stateï [New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles]. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan': «Tsentr Issledovaniya Natsionalizma i Imperii», 2004. 652 p. [in Russian]
- Ot redaktsii** – Ot redaktsii [From the editorial board]. *Turkestanskïe eparkhial'nye vedomosti.* 1907. 1: 8-10. [in Russian]
- Ot redaktsii, 1894** – Ot redaktsii [From the editorial board]. *Turkestanskïe vedomosti.* 1894. 1: 2-4. [in Russian]
- Ot redaktsii, 1895** – Ot redaktsii [From the editorial board]. *Turkestanskïe vedomosti.* 1895. 1: 1-3. [in Russian]
- Ot redaktsii, 1895a** – Ot redaktsii [From the editorial board]. *Turkestanskïe vedomosti.* 1895. 9: 36-40. [in Russian]
- Ot redaktsii, 1896** – Ot redaktsii [From the editorial board]. *Turkestanskïe vedomosti.* 1896. 4: 33. [in Russian]
- Pereselencheskoe delo..., 1911** – Pereselencheskoe delo v Turkestanskom krae (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya, Ferganskaya): Otchet po sluzhebnoi poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. chinovnika osobykh poruchenii pri Pereselencheskom upravlenii N. Gavrilova [Resettlement Affairs in the Turkestan Region (Syr-Darya, Samarkand, Fergana provinces): Report on the official trip to Turkestan in the fall of 1910 by N. Gavrilov, an official of special assignments at the Resettlement Administration]. SPb.: Tip. F. Vaisberga i P. Gershuni, 1911. 336 p. [in Russian]
- Pshenichnaya, Lizunova, 2023** – *Pshenichnaya, E.V., Lizunova, I.V.* (2023). Stanovlenie izdatel'skogo dela v Turkestanskom krae na rubezhe XIX–XX vv. [The establishment of publishing in the Turkestan region at the turn of the XIX-XX centuries]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki.* 11: 15-35. [in Russian]
- Remnev, 2004** – *Remnev, A.V.* (2004). Vdvinut' Rossiyu v Sibir'. Imperiya i russkaya kolonizatsiya vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka [Push Russia into Siberia. Empire and Russian colonization of the second half of the XIX - early XX century]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva. Kazan': Idel-Press. Pp. 223-242. [in Russian]
- Remnev, 2013** – *Remnev, A.V.* (2013). Koloniya ili okraina? Sibir' v imperskom diskurse XIX veka [Colony or periphery? Siberia in the imperial discourse of the XIX century]. *Sibirskaya zaimka.* 2013: 1-5. [in Russian]
- Remnev, 2015** – *Remnev, A.V.* (2015). Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX – nachala XX vekov [Siberia in imperial geography of power of XIX - early XX centuries]. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet im. F.M. Dostoevskogo, 580 p. [in Russian]
- Rodigina, 2006** – *Rodigina, N.N.* (2006). «Drugaya Rossiya»: obraz Sibiri v russkoi zhurnal'noi presse vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv. [“Another Russia”: the image of Siberia in the Russian journal press of the second half of the XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 343 p. [in Russian]

Rodigina, 2010 – Rodigina, N.N. (2010). Kto konstruiroval obraz Sibiri?: avtorskii korpus publikatsii o regione v russkoi zhurnal'noi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [Who constructed the image of Siberia?: author's corpus of publications about the region in the Russian journal press in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Obrazy Rossii, ee regionov v istoricheskom i obrazovatel'nom prostranstve: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 75-letiyu Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Novosibirsk, 17–19 noyabrya 2010 g.* Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Pp. 173-178. [in Russian]

Shabashev, 1907 – Shabashev, A. (1907). Vospominaniya o preosvyashchennem Dmitrii, episkope Turkestanskom i Tashkentskom [Memories of His Eminence Dmitriy, Bishop of Turkestan and Tashkent]. *Turkestanskii eparkhial'nye vedomosti*. 24: 631-656. [in Russian]

Tol'ts, 2013 – Tol'ts, V. (2013). «Sobstvennyi Vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperijskii period [“Russia's Own East”: identity politics and orientalism in the late imperial period]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 p. [in Russian]

Tregubov, 1911 – Tregubov, A. (1911). Kolonizatsiya Turkestana [Colonisation of Turkestan]. *Turkestanskii eparkhial'nye vedomosti*. 7: 161-164. [in Russian]

V.A. – V.A. Novoe naznachenie [New appointment]. *Turkestanskii eparkhial'nye vedomosti*. 1910. 3: 31-33. [in Russian]

Репрезентации Туркестанского края как окраины Российской империи в дискурсе региональной периодической печати в конце XIX — начале XX вв.

Садокат Максудовна Маткаримова^{a, *}, Санжар Ражапбаевич Давлетов^a,
Кудрат Юлдашевич Машарипов^a, Темур Пулатович Абдуллаев^a

^a Университет Мамуна, Хива, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье раскрывается содержание репрезентаций Туркестана как окраины Российской империи в дискурсе региональных периодических изданий в конце XIX – начале XX вв. Отмечается, что выбор периода конца XIX–XX вв. в качестве хронологических границ исследования объясняется важными сдвигами в общественно-политической рецепции приобретённых территорий в Центральной Азии и изменениями социально-политического контекста реализации российской колониальной политики в Туркестанском крае в связи с социальными потрясениями, случившимися в России на рубеже столетий. В процессе исследования были выявлены «площадки» репрезентации представлений российского общества о статусе Туркестана как территории, инкорпорируемой в общеимперское поле, представлена программа официальных изданий региона — «Туркестанских ведомостей», «Туркестанских епархиальных ведомостей» как газеты и журнала, активно отстаивавших и транслировавших имперские принципы организации социально-политического и культурного пространства Туркестанского края.

Установлено, что, несмотря на «ведомственное» различие и относительное несходство решаемых в светских и церковных изданиях задач, в обсуждении освоения Туркестанского края как «русского дела», главные газета («Туркестанские ведомости») и журнал («Туркестанские епархиальные ведомости»), демонстрировали общность позиций, что находило выражение и в универсальности сюжетных линий публикаций. Для изданий в равной степени были близки злободневные вопросы переселенческого движения, политической ангажированности населения под влиянием революционных и внешнеполитических процессов начала XX в., организации и продвижения образования, возведения железнодорожных путей. При этом определяющим фактором являлось коммуникативное согласие региональной прессы в представлениях об особом статусе в Туркестанском крае имперской бюрократии, позиционируемой в многочисленных публикациях как решающий аргумент превращения региона в Российскую империю.

Ключевые слова: репрезентации, периодическая печать, дискурс, Туркестанский край, Российская империя, колония, окраина, Азиатская Россия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sadokatmatkarimova@yandex.ru (С.М. Маткаримова), sdavletov7722@gmail.com (С.П. Давлетов), qudrat_74@mail.ru (К.Ю. Машарипов), timurabdullaev4466@gmail.com (Т.П. Абдуллаев)